

А. Ю. Эйдук

МАРКС — ЭНГЕЛЬС О ПУШКИНЕ И РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Гениальные вожди пролетариата, политики, экономисты и философы Карл Маркс и Фридрих Энгельс были, как известно, глубоко образованными и чрезвычайно многознающими людьми.

В частности, они очень хорошо знали художественную литературу. Эрудиция Маркса и Энгельса в области мировой литературы, хотя она и не была никогда предметом их специальных занятий, такова, что до сих пор может служить идеалом для любого историка литературы.

Желание охватить весь мир идей, неутомимая жажда знаний находят свое выражение в одном из юношеских стихотворений Маркса:

*Alles möcht ich erringen,
Jede schönste Göttergunst,
Und im Wissen wagem dringen,
Und erfassen Sang und Kunst.*

Круг интересов Маркса и Энгельса действительно очень велик. Из художественной литературы уже со школьной скамьи их интересуют не только античная и немецкая литературы, которые они знали отлично, но и литературы французская и английская. Круг их интересов в области художественной литературы позднее все расширяется и охватывает буквально всю мировую литературу. Помимо античной, немецкой, английской и французской, Маркс и Энгельс были весьма компетентными знатоками итальянской, испанской, персидской, датской, норвежской, русской и др. литератур.

Весьма любопытно, что Энгельс и Маркс проявили большой интерес к русскому языку и русской литературе еще тогда, когда русская литература на Западе почти-что не была известна.

Насколько можно судить по письму Энгельса (от 29 января 1851 г.) Марксу, к изучению русского языка он приступил еще в 1850 г. Систематическими эти занятия становятся с апреля 1852 г., когда Энгельс начинает брать уроки у русского эмигранта Эдуарда Пиндара.

20 апреля 1852 г. Энгельс сообщает Марксу, что к нему приехал Пиндар. «Желаю доказать ему свое хорошее расположение, — присовокупляет Энгельс, — я стал брать у него уроки русского языка».

В сентябре 1852 г. Пиндар переселяется в Париж, но Энгельс не бросает своих языковых занятий. «Бегство Пиндара сохраняет мне время, — отмечает он в письме Марксу от 7 сентября 1852 г., — я занимаюсь теперь русским языком *con amore, sine ira et studio* (с любовью и основательно) и уже кой-чему научился». (Соч., т. XXI, стр. 403).

Среди рукописей Энгельса сохранилось несколько тетрадей с упражнениями по русскому языку. Это — выписки из русских классиков. На первом месте среди них А. С. Пушкин и его «Евгений Онегин». «Евгения Онегина» Фр. Энгельс проработал с самого начала, с вступления.

Не мысль гордый свет забавить,
 Вниманье дружбы возлюбя,
 Хотел бы я тебе представить
 Залог достойнее тебя,
 Достойнее души прекрасной,
 Святой исполненной мечты,
 Поэзии живой и ясной,
 Высоких дум и простоты;
 Но так и быть — рукой пристрастной
 Прими собранье пестрых глав,
 Полусмешных, полупечальных,
 Простонародных, идеальных,
 Небрежный плод моих забав,
 Бессонниц, легких вдохновений,
 Незрелых и увядших лет,
 Ума холодных наблюдений
 И сердца горестных замет.

Переводя «Евгения Онегина», Энгельс в левом столбце страницы выписывал непонятные русские слова и их значение на немецком языке, а в правом — полный прозаический перевод.

Из цитированного вступления Энгельс почти каллиграфически вы-

писал, отмечая ударения, следующие слова: мысль, гордый, свет, забавить, дружба, хотеть, тебе, представить, залог, достойный, душа, прекрасный, исполненный, мечта, живой, ясный, дума, простота, но, так, пристрастный, принять, собранье, пестрый, глава, полусмешной, полупечальный, простонародный, небрежный, плод, забава, бессонниц, легкий, вдохновение, незрелый, увядший, лето, ум, холодный, наблюдение, сердце, горестный и замет.

Стало быть, из почти 60 слов, в нем имеющих, выписаны 43. Перевод сделан чрезвычайно тщательно. Несмотря на то, что стихотворение это трудно переводимо и познания Энгельса в русском языке в этот период еще не велики,— он успешно справляется со своей задачей.

Подобным же образом, как отмечает Ф. П. Шиллер¹, проработан «Медный всадник» Пушкина.

К этому же времени, повидимому, относится знакомство Энгельса с другими русскими классиками — Державиным, Грибоедовым и др. Первый из них цитируется в передовой Маркса—Энгельса, помещенной в «New-York Daily Tribune» от 25 июля 1854 г.

Эта статья, в которой речь идет о неудачах царской армии и об осаде Силистрии, начинается следующими словами: «Около 80 лет тому назад, когда победоносные армии Екатерины II отрывали от Турции одну провинцию за другой, превращенные тогда в то, что теперь называется Новороссией, в одном из стихотворений поэта Державина, выражающем лирический восторг, с которым он обычно превозносит если не добродетели, то славу этой императрицы, мы встречаем заслуживающую внимания фразу, которая и сейчас выражает высокопарную смелость и самоуверенность царской политики:

На что тебе союз? — о Росс!

Шагни — и вся твоя вселенна.

Это и сегодня было бы верно, если бы только русский мог продвигаться вперед; этому движению, однако, довольно энергично поставлен барьер». (Соч., т. X, стр. 108).

Известно, что Энгельс знал в оригинале произведения Чернышевского и Салтыкова-Щедрина. Указывается, что Энгельс читал роман «Что делать?».

Изучение русского языка Марксом началось значительно позднее. П. Лафарг вспоминает, что Маркс взялся за изучение русского языка в 50-летнем возрасте. Указание это представляется верным: в ноябре

¹ Ф. Шиллер. «Энгельс, как литературный критик», стр. 196, 1933.

1868 г., когда Марксу потребовались материалы о распаде прежних аграрных отношений в России, соответствующие переводы из русской литературы для него производил Боркгейм (см. письмо Маркса Энгельсу от 7 ноября 1868 г.), в то время как в конце 1869 г. он сам начинает уже читать в подлиннике книгу Флеровского «Положение рабочего класса в России».

В январе 1870 г. в одном из своих писем к Энгельсу жена Маркса отмечает, что по возвращении из Германии (в октябре 1869 г.) Маркс «с пылом и жаром» начал изучать русский язык.

Свою радость по поводу того, что Маркс засел за русский язык, Энгельс выражает в письме от 19 января 1870 г.: «Поздравляю тебя с успехами в русском языке. Ты приведешь в восхищение Боркгейма, да это и хорошо; мои познания в русском языке уже снова почти испарились, а когда твои испарятся, я смогу начать сначала» (Соч., т. XXIV, стр. 280).

«Неужели ты думаешь, что я за a few weeks (несколько недель), — отзывается Маркс 22 янв. 1870 г., — изучил русский язык настолько и знаю хотя бы не то, что ты позабыл, но столько, сколько у тебя осталось бы, если бы ты позабыл в три раза больше. Я ведь только еще начинающий».

Что Маркс здесь сильно преуменьшает свои познания русского языка, показывает хотя бы сообщение в том же письме, что он только-что закончил чтение главы «Тюрьмы и ссылки» Герцена.

Три недели спустя (11 февраля 1870 г.) Маркс сообщает Энгельсу, что прочел первые 150 страниц из книги Флеровского.

«Это — первое произведение, в котором сообщается правда об экономическом положении России, — оценивает Маркс книгу Флеровского. — Человек этот — решительный враг так называемого «русского оптимизма». У меня никогда не было радужных представлений об этом коммунистическом Эльдorado, но Фл[еровский] превосходит все ожидания. Поистине удивительно и во всяком случае показателем какого-то перелома является то, что подобная вещь могла быть напечатана в Петербурге.

«У нас пролетариев мало, но зато масса нашего рабочего класса состоит из работников, которых участь хуже, чем участь всякого пролетария» (эта фраза написана Марксом по-русски. — Я. Э.).

Способ изложения весьма оригинален, больше всего напоминает в некоторых местах Монтейя. Видно, что человек этот всюду разъезжал и наблюдал все лично. Жгучая ненависть к помещикам, капиталистам и чиновникам. Никакой социалистической доктрины, никакого аграрного мистицизма (хотя он и сторонник общинной собствен-

ности), никакой нигилистической утрировки. Кое-где имеется небольшая доза благодушной чепухи, которая вполне соответствует, однако, уровню развития тех людей, для которых предназначается эта книга. Во всяком случае это — самая значительная книга, какая только появилась после твоего произведения о «Положении рабочего класса в Англии». (Соч., т. XXIV, стр. 287).

Книга Флеровского очень заинтересовала также и Энгельса. Он просит сообщить русское название книги, так как собирается ее приобрести.

«Прочитанная фраза из Флеровского, — присовокупляет он, — первая русская фраза, которую я вполне понимаю без словаря».

Книга Флеровского и преследование ее автора в России еще долго являются предметом обмена мнений между Марксом и Энгельсом.

Наряду с экономическими, политическими и публицистическими книгами Маркс читает в подлиннике также и русских классиков. Уже в следующем (1871) году в одном из своих писем к русскому экономисту, народнику Н. Даниэльсону (Николаю—ону), он отмечает, что работы Добролюбова ему известны, и пишет: «я его, как писателя, сравниваю с Лессингом и Дидро».

В 1871 г. тому же адресату Маркс пишет, что значительная часть произведений Н. Чернышевского ему известна, а в послесловии к 2-му изд. «Капитала» (которое написано 24 янв. 1873 г.) называет Чернышевского «великим русским ученым и критиком».

П. Лафарг в своих воспоминаниях¹ рассказывает, что Маркс в течение каких-нибудь шести месяцев настолько овладел русским языком, «что мог с удовольствием читать русских поэтов и прозаиков, из которых особенно ценил Пушкина, Гоголя и Щедрина».

Из русских книг, имевшихся в библиотеках Маркса и Энгельса, сохранились, к сожалению, лишь немногие. Однако и среди них имеются книги художественного содержания — произведения Некрасова и Салтыкова-Щедрина.

«Книги Салтыкова, — отмечает Б. Николаевский в своей статье «Русские книги в библиотеках Маркса и Энгельса» («Архив Маркса и Энгельса», т. IV, 1929), — прочитаны с большим вниманием и интересом. Об этом свидетельствуют отметки и подчеркивания Маркса на страницах книг «Господа Ташкентцы» (1873) и «Убежище Монрепо» (1880) Щедрина. Сохранились также бывшие в библиотеке Маркса «Дневник провинциала в Петербурге» (1876) и «За рубежом».

¹ П. Лафарг. «Воспоминания о Марксе», 1933, стр. 7—8.

В понимании Маркса и Энгельса художественная литература является одним из специфических средств познания реальной действительности и одним из сильнейших орудий классовой борьбы. Маркс зачастую прибегает к художественной литературе, когда ему нужно какую-нибудь свою мысль особенно подчеркнуть или иллюстрировать.

Для этих целей он пользуется мировой литературой, в том числе и русской.

В книге «К критике политической экономии» (глава «Теория средств обращения и денег») Маркс в сноске приводит иллюстрацию из «Евгения Онегина»: «В поэме Пушкина отец героя никак не может понять, что товар — деньги. Но что деньги представляют собою товар, это русские поняли уже давно, что доказывается не только ввозом хлеба в Англию в 1837—1842 гг., но и всей историей их торговли»¹.

Любопытно отметить, что Пушкиным интересовались не только Маркс и Энгельс, но, надо полагать, по совету Маркса, также и его друг — революционный поэт Фердинанд Фрейлиграт. Он, правда, не знал русского языка, но в его библиотеке имелись избранные стихи Пушкина в немецком переводе.

Маркс знал из русских классиков также и Гоголя, однако ближе всего ему, повидимому, был Пушкин. В его лице для Маркса воплощалась как бы вся русская литература.

Энгельс знал «Евгения Онегина» столь хорошо, что мог указать своим русским корреспондентам на такие положения у Пушкина, которые они, возможно, упустили из виду.

В письме к Николаю—оному от 29 окт. 1891 г. Энгельс отмечает: «Очень интересны ваши заметки по поводу того кажущегося противоречия, что у вас хорошая жатва не всегда означает необходимым образом понижения хлебных цен. Когда мы изучаем таким образом реальные экономические отношения в различных странах и на различных ступенях цивилизации, то какими странно ошибочными и недостаточными кажутся нам рационалистические обобщения XVIII века, хотя бы, например, доброго старого Адама Смита, который принял условия, господствовавшие в Эдинбурге и окрестных шотландских графствах, за нормальные для целой вселенной! Ваш Пушкин уже знал это, как и то,

...почему

Не нужно золота ему,

¹ К. Маркс. «К критике политической экономии». Партиздат, стр. 168, 1935.

Когда простой продукт имеет.
 Отец понять его не мог
 И земли отдавал в залог¹.

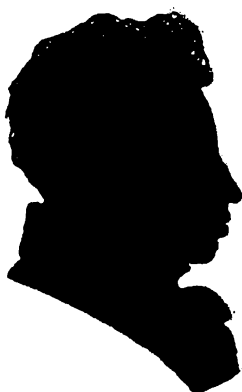
Маркс и Энгельс являются одними из первых на Западе, которые серьезно изучали и интересовались русской литературой и русским языком. Это лишний раз подчеркивает их глубокую и всестороннюю эрудицию в области мировой литературы.

Все виднейшие русские писатели, поэты и критики — Державин, Грибоедов, Гоголь, Пушкин, Щедрин, Некрасов, Герцен, Добролюбов и Чернышевский — находились в поле зрения Маркса и Энгельса. Если еще принять во внимание, что они были знакомы и с виднейшими русскими публицистами, экономистами и политиками, если еще отметить, что Энгельс до конца своей жизни не переставал следить за новейшей русской литературой (см. его письмо П. Эрнсту), — то без преувеличения можно сказать, что Маркс и Энгельс во второй половине XIX в. являются лучшими и наиболее глубокими знатоками русской литературы и общественно-политической жизни России на Западе.

А. С. Пушкина — родоначальника русской литературы и языка, обогатившего русский народ поэтическими произведениями, в которых с огромной художественной силой выражаются мысли, чувства и чаяния лучших людей России, — с полным правом можно присоединить к тем великим писателям мировой литературы, которых особенно любили и ценили основоположники научного коммунизма.

¹ Письмо К. Маркса и Ф. Энгельса к Николаю — ону, стр. 63, СПб, 1908.

**ВЕСТНИК
АКАДЕМИИ НАУК
СССР**

1 8 3 7 - 1 9 3 7

2-3

**ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА ЛЕНИНГРАД
1937**